

14. *Mironowicz, E.* Białorusini i Ukraińcy w polityce obozu piłsudczykowskiego / *E. Mironowicz.* – Białystok : Wydawnictwo Uniwersyteckie Trans Humana, 2007. – 293 s.
15. *Śleszyński, W.* Zajścia antyżydowskie w Brzesciu nad Bugiem 13 maja 1937 roku / *W. Śleszyński.* – Białystok, 2004. – 135 s.
16. *Smolarczyk, A.* Szkolnictwo powszechne i oświata pozaszkolna w województwie poleskim w latach 1919–1939 / *A. Smolarczyk.* – Warszawa : ASPRA, 2014. – 560 s.
17. *Śleszyński, W.* Bezpieczeństwo wewnętrzne w polityce państwa polskiego na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej / *W. Śleszyński.* – Warszawa : Rytm, 2007. – 408 s.

Е. А. Шаркова

СОЗДАНИЕ ПЕРВЫХ ВОСПИТАТЕЛЬНО-ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ КОЛОНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

В пенитенциарной системе Российской империи до середины XIX в. отсутствовал не только урегулированный порядок и условия исполнения наказаний в отношении несовершеннолетних правонарушителей, но и не было специальных исправительных учреждений для их содержания. Подростки со взрослыми преступниками содержались вместе в одинаковых условиях, наравне с ними входили в этапные партии, испытывая при этом всевозможные унижения, страдания и лишения. Кроме того, российское законодательство долгое время даже не знало понятия несовершеннолетнего преступника как субъекта уголовно-правовых отношений. Впервые в качестве специального субъекта уголовной ответственности и наказания *малолетний преступник* закрепляется в Артикуле воинском 1715 г. Однако документ не раскрывает возрастную характеристику, по достижении которой малолетний преступник (или как там сказано *младенец*) должен нести ответственность перед государством и может быть подвержен наказанию.

Впоследствии решение этого правового вопроса нашло отражение в постановлении Сената от 10 марта 1765 г., утвержденном указом Екатерины II 26 июня, где было закреплено: «...по уголовным делам совершенный возраст считать 17 лет; ранее этого возраста пыток не производить, а по исследовании представлять Сенату, которые преступники будут менее 17 лет и смертной казни не заслуживают, а только телесное наказание, тех без представления в Сенат наказывать от 15 до 17 лет плетью, от 10 до 15 лет – розгами, десяти же лет и меньше отдавать для наказания отцам, матерям или помещикам» [1, с. 413].

Дальнейшее развитие институт уголовной ответственности несовершеннолетних получил в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных в редакции 1845 г. Понятием *несовершеннолетние* определялась категория лиц

в возрасте от 10 до 17 лет, совершивших умышленные преступления, т. е. «действовавших с разумием». Уложение установило особый порядок определения и применения наказаний к данной категории лиц, несколько отличный от общего установленного порядка. Так, за совершение преступлений, за которые предусматривалось наказание плетьюми и ссылка на каторжные работы, несовершеннолетние наказывались ссылкой на поселение; за преступления, влекущие ссылку на поселение и наказание плетьюми, – заключением в монастырь или смирительный дом сроком до восьми лет; за общественно опасные деяния, предусматривающие наказание в виде заключения в смирительный или работный дом, несовершеннолетние наказывались заключением в монастырь сроком от двух месяцев до одного года [2, с. 89–90].

Существенные изменения в содержание наказания несовершеннолетних преступников и его исполнение были внесены указом императора Александра II от 17 апреля 1863 г. «О некоторых изменениях в существующей ныне системе наказаний уголовных и исправительных». В отношении их были отменены телесные наказания как меры уголовной репрессии. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями (1864), закрепил подсудность несовершеннолетних мировым судьям за преступления, не являющиеся тяжкими. Законом от 5 декабря 1866 г. «Об учреждении приютов и колоний для нравственного исправления несовершеннолетних преступников» впервые в истории пенитенциарной системы России было предусмотрено создание специальных заведений для исполнения уголовных наказаний в виде лишения свободы для несовершеннолетних правонарушителей, определены порядок и условия их содержания. Собственный отечественный опыт исполнения уголовных наказаний в отношении подростков-правонарушителей был обобщен и всесторонне обсужден на I съезде представителей воспитательно-исправительных приютов и колоний, который был проведен в октябре 1881 г. по инициативе попечителя Московского городского исправительного приюта для малолетних К. В. Рукавишникова [3, с. 16–17].

По замыслу правительства исправительные колонии и приюты для несовершеннолетних должны были учреждаться за счет средств, поступающих из государственного бюджета, а также средств Общества попечительного о тюрьмах, земств, частных лиц. В законе от 5 декабря 1866 г. подчеркивалось, что независимо от учреждаемых правительством приютов и колоний для нравственного исправления несовершеннолетних преступников к учреждению таких заведений призываются земства, общества, духовные установления и частные лица.

Для приютов и колоний, учреждаемых частными лицами, законом предусматривалась определенная система льгот: приобретаемое для них недвижимое имущество освобождалось от всяких сборов в пользу государства, каждому приюту или колонии разрешалось разыгрывать благотворительную лотерею, средства, вырученные от ее продажи, поступали в их пользу. Содержание несовершеннолетнего в приюте или колонии обходилось

государственному бюджету так же, как и содержание взрослого заключенного. Учреждать эти исправительные заведения для несовершеннолетних правонарушителей разрешалось только с ведома Министерства внутренних дел.

К концу века во многих губернских городах, в том числе и белорусских, стали открываться воспитательно-исправительные приюты или колонии, а в некоторых – общества исправительных приютов. Первым на белорусской территории в 1891 г. было основано Могилёвское общество исправительных и земледельческих колоний и ремесленных приютов для несовершеннолетних. В него вошло 35 человек, но дальше этого дело не продвинулось. Получив в свое распоряжение доход в сумме 2 286 рублей, 1 171 рубль из которых поступил из казны, а остальные из пожертвований частных лиц, учреждений и сословий, общество израсходовало 18 рублей. Курировало его, как и большинство обществ данного типа, Министерство внутренних дел. Работа общества активизировалась, когда председателем его правления был избран председатель Могилёвского окружного суда Л. В. Назимов. При нем дело призрения порочных и беспризорных детей в губернии стало на прочную основу. В 1909 г. при его активном содействии под Могилевом в бору была открыта исправительная земледельческо-ремесленная колония для несовершеннолетних. По свидетельству современников, Л. В. Назимов за короткое время сумел расположить к себе местную интеллигенцию, в сознании которой пробудил интерес к новому заведению и попытался убедить в том, что забота о порочных детях есть забота общая для всего населения. Губернские правительственные учреждения также начали оказывать колонии большое внимание: так годовое общее собрание Могилёвского губернского земства вместо 10 % из штрафных сумм назначило к отпуску в пользу колонии 20 %. Опыт работы колонии вскоре стал известен в столице. К сожалению, в 1911 г. видный деятель белорусского благотворения Л. В. Назимов скоропостижно скончался, «оставив по себе у населения губернии добрую память и глубокое уважение». Начинание это, однако, не зачахло и было успешно продолжено обществом и новым руководством колонии [4, с. 106–107].

Аналогичную работу с беспризорными детьми и подростками проводило в Двинске Витебской губернии Общество призрения детей лиц, заключенных под стражу, и бесприютных (1893). Около 99 % его средств составляли пожертвования. Приюты для детей арестантов находились рядом с тюрьмами, с тем чтобы дети имели возможность регулярно видеться с родителями. Попечителями обычно становились начальники тюрем. До образования этих обществ и приютов дети арестованных жили в тех же тюремных камерах, что и родители, деля с ними скудный паек и заодно на практике постигая жизнь и законы преступного мира.

В 1896 г. с помощью Общества земледельческих колоний и ремесленных приютов для несовершеннолетних преступников была основана исправительная колония в Витебской губернии, которая находилась в шести

верстах от губернского города на Сокольникской казенной лесной даче. По ходатайству первого председателя общества Н. Х. Померанцева была одобрена смета постройки колонии на 50 человек. Первоначально там содержалось 15 мальчиков, которым в основном на средства казны оказывалось «полное призрение при надлежащем воспитании». Благодаря широкому привлечению пожертвований удалось создать «неприкосновенный капитал», проценты с которого ежегодно поступали на содержание воспитанников колонии. Своего расцвета колония достигла при М. М. Константиновиче, опытом работы в которой он так же, как и Л. В. Назимов, поделился в своем выступлении на VIII съезде представителей русских исправительно-воспитательных заведений для несовершеннолетних в октябре 1911 г. [5, с. 15–19].

В колониях проходили «нравственное исправление» несовершеннолетние преступники, направленные туда по приговорам судов для содержания под стражей. Исправление стремились производить, прежде всего, на основе трудового воспитания и профессионального обучения. Контингент для исправительно-воспитательной работы был не из легких. Попадали в колонии в основном за кражи и сбыт краденого (свыше 80 %), но были и осужденные за более тяжкие преступления: поджог, хулиганство, «преступления против нравственности» и т. д. По данным профессора А. Д. Григорьева, в колониях содержались 72 % осужденных с отсталым умственным и физическим развитием, 28 % с отягощенной наследственностью, 50 % сирот, 71,4 % безграмотных [4, с. 16–17].

В колониях Витебской и Могилевской губерний обучение ремеслам (токарному, слесарному и сапожному) осуществлялось в мастерских, которые работали в основном на заказ, невостребованные изделия реализовывались в собственных городских магазинах, курирующих колонии благотворительных обществ. Воспитанники сами ремонтировали и обслуживали сельскохозяйственные орудия и технику, трудились на полях колонии с использованием передовых методов обработки земли и выращивая самые разнообразные сельскохозяйственные культуры, приносящие немалый урожай. При колониях имелись и опытные показательные участки. Образцы продукции колоний неоднократно демонстрировались на различных сельскохозяйственных выставках, устраиваемых земством и тюремным ведомством.

По отработанной системе под руководством опытных и хорошо оплачиваемых из средств благотворительных организаций преподавателей шло обучение грамоте, а также необходимым правилам поведения и этикета. Библиотека колонии нередко проводила тематические вечера с участием местных деятелей благотворения и земских знаменитостей. В отличие от исправительных заведений для взрослых посещение воспитанниками церкви (как и школы) было обязательным. Священник колонии во многом выполнял функции современного социального педагога, способствуя духовно-нравственному очищению несовершеннолетних правонарушителей.

Порядки в колонии были строгие, но, по мнению большинства воспитанников, справедливые. По уставу их могли подвергать телесным наказаниям, однако применялось это крайне редко (например, за кражу или

избиение товарища). В 1911 г. больше всего было наказано за курение, шалости и беспорядки. Одним из самых строгих наказаний считался карцер. Провинившихся воспитанников могли лишить права работать, что автоматически приводило к потере пусть небольшого, но все же заработка. Кроме того, делались вычеты из причитавшегося каждому освобождающемуся выходного пособия.

Лучшие воспитанники получали возможность участвовать в экскурсиях по городу, на бесплатный проезд по железной дороге, к ним с 1909 г. нередко применялось право условного-досрочного освобождения, которое ценилось и давало хорошие результаты. В течение трех лет после освобождения колония осуществляла патронат над бывшими воспитанниками, оказывала им всевозможное содействие в деле устройства их будущего.

Колонии ежегодно отчитывались о своей деятельности перед Главным тюремным управлением. Форма отчетности была разработана постоянно действующим Бюро съездов представителей воспитательно-исправительных заведений и утверждена Министерством юстиции в июне 1913 г. Она предусматривала следующее: состав правления общества, что сделано обществом за год; сведения о педагогическом и служебном персонале колонии (воспитатели, преподаватели, заведующие мастерскими приюта или колонии, их число, образование); сведения о воспитанниках, поступивших за истекший год, осужденных подследственных, условно-досрочных освобожденных, характеристики некоторых из них; система воспитания, меры поощрения и наказания, развлечения, организация медико-педагогических наблюдений в соответствии с циркуляром № 37 от 27 ноября 1907 г.; система размещения (павильонное, казарменное и т. п.); положение школьного дела (постановка обучения, программа, часы занятий, отстающие); постановка обучения ремесленному и сельскохозяйственному труду; общие сведения о санитарном положении заведения и о состоянии здоровья его воспитанников; покровительство над освобожденными воспитанниками и т. п.

Практические работники белорусских воспитательно-исправительных учреждений регулярно принимали участие во всероссийских съездах представителей исправительных приютов. Они наравне со своими коллегами из центральных губерний Российской империи обсуждали актуальные проблемы определения категорий детей, которые должны призреваться в этих заведениях, выбора ремесел и способов обучения грамоте, установления опеки над освобожденными и способов профессионального обучения, изменений в законодательстве, а также наряду с другими ходатайствовали перед правительством об отчислении в пользу приютов 10 % из сумм, поступающих на создание мест заключения, обсуждали информацию о зарубежном и российском опыте перевоспитания малолетних преступников, решали иные принципиально важные вопросы.

Результатом настойчивой работы благотворительных организаций, государственных органов в лице педагогических коллективов исправительных учреждений для несовершеннолетних и представителей Главного

тюремного управления явилось Положение о воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних (1909), подготовленное на основе отдельных уставов конкретных воспитательно-исправительных приютов [6, с. 206–208]. Это был первый правовой акт в истории уголовно-исполнительного права России, где специально регулировались вопросы порядка и условий исполнения и отбывания лишения свободы в отношении несовершеннолетних лиц. Ранее они регламентировались, причем в значительно меньшем объеме, в Своде учреждений и уставов о содержащихся под стражею (гл. 2). После принятия Положения соответствующие нормы были исключены из Свода.

Указанным Положением регулировалось не только и даже не столько лишение свободы за совершение общественно опасных деяний, сколько вопросы воспитательного характера и, соответственно, предусматривалось содержание в воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних достаточно широких групп несовершеннолетних. В качестве учредителей воспитательно-исправительных учреждений согласно Положению могли выступать правительство, земства, города, духовные учреждения, общественные организации и частные лица.

В воспитательно-исправительных заведениях в соответствии с нормами Положения могли содержаться несовершеннолетние в возрасте от 10 до 17 лет: 1) признанные виновными в совершении какого-либо преступного деяния на основании определения или приговора суда; 2) обвиняемые и подсудимые, в отношении которых принята такая мера пресечения, как взятие под стражу по постановлению суда или следственной власти; 3) нищенствующие, бродяжничающие и бесприютные и беспризорные по постановлениям комитетов, правлений или советов обществ, заведовавших воспитательно-исправительными заведениями; 4) отдаваемые для исправления родителям с согласия учреждений, заведовавших воспитательно-исправительными заведениями.

Воспитательно-исправительным заведениям из казны отпускалось пособие на содержание каждого несовершеннолетнего, исключая отдаваемых для исправления родителями, в следующих размерах: 1) вдвое больше ежегодной стоимости продовольствия, одежды, белья, обуви и постельных принадлежностей по установленному табелю на каждого арестанта в местных тюрьмах; 2) по 3 копейки в сутки на медикаменты на каждого больного воспитанника; 3) на погребение умерших воспитанников выделялась сумма, равная плате за погребение арестантов, умерших в гражданских больницах.

Воспитательно-исправительным заведениям предоставлялись существенные льготы по налогообложению (ст. 12). Думается, этот опыт целесообразно использовать в современных воспитательных колониях. Льготы получали также директор и преподаватели, в частности, они освобождались от воинской повинности (ст. 21).

В каждом исправительном заведении разрабатывался свой устав, где отражались категории несовершеннолетних, для которых учреждалось заведение, предельный возраст подлежащих приему несовершеннолетних,

порядок назначения и увольнения служащих, порядок заведования хозяйственной частью, меры дисциплинарных взысканий, налагаемых на питомцев заведения (ст. 34).

В сравнительно небольшом по объему Положении целая глава была посвящена съездам представителей воспитательно-исправительных заведений и их постоянному бюро (ст. 35–41). Съезды должны были созываться для выяснения возникающих на практике затруднений, разработки методов исправления несовершеннолетних, совершенствования управленческой деятельности, решения проблем, появляющихся после освобождения от отбывания наказания. Поэтому не случайно на съездах должны были присутствовать представители обществ патроната.

Воспитательно-исправительным заведениям предоставлялось право принимать всякого рода пожертвования и отказы по духовным завещаниям, различного рода единовременные и ежегодные пособия от государственных и общественных организаций, а также частных лиц; производить с разрешения епархиального начальства в определенные дни года сборы в церкви; выставлять кружки и выдавать пользующимся общественным доверием местным жителям квитанционные книжки для сбора пожертвований в губернии по месту нахождения заведения; устраивать с надлежащего разрешения публичные чтения, концерты, выставки и т. п.

Положение о воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних в качестве основной цели утвердило нравственное исправление лиц, в них помещаемых, подготовку их к честной и трудовой жизни. Эта цель достигалась организацией их религиозно-нравственного, умственного и физического развития на основе первоначального общего образования, а также обучения практическим профессиям, которые давали бы им возможность добывать средства к существованию собственным трудом. Программа обучения несовершеннолетних в воспитательно-исправительных заведениях включала: Закон Божий по правилам того вероисповедания, к которому каждый из обучаемых принадлежал; чтение, письмо и арифметику в пределах программы одноклассного начального училища Министерства народного образования. При наличии условий и возможностей учащиеся могли получить элементарные знания и по другим научным предметам.

Положение с разрешения министра юстиции предоставляло право проведения съездов представителей воспитательно-исправительных заведений и создания их постоянного бюро. Именно на таких форумах в России, да и за рубежом, происходило научно-практическое осмысление социально-патологических проявлений детства и отрочества в социальных отношениях, конкретизация представлений о причинах патогенных форм в их социально-исторической обусловленности, предлагались не только законодательные, но и социально-педагогические меры их профилактики и преодоления. В частности, VIII съезд представителей русских воспитательно-исправительных заведений для несовершеннолетних (октябрь 1911 г.) положил начало систематической учебе делегатов, для которых были прочитаны курсы лекций

о мерах предупреждения детской преступности, педагогике и психологии детского возраста, что вместе с посещением местных исправительно-воспитательных заведений дало возможность ознакомиться с последними тенденциями в области педологии (изучение ребенка) и с новейшими методами борьбы с пагубными склонностями и аномалиями в раннем детском возрасте. Опытом работы в колонии поделились в своих выступлениях на съезде белорусские делегаты М. М. Константинович и Л. В. Назимов.

Развитию социальной помощи трудным детям способствовало и создание определенной законодательной базы, регламентирующей ответственность несовершеннолетних. В 1897 г. разрабатывался проект закона «Об ответственности малолетних и несовершеннолетних преступников» (соответственно до 14 лет и с 14 до 17 лет). Основываясь на распространенном в то время общественном мнении, что зло легче предупредить, чем искоренить, он предусматривал следующие профилактические меры: «1. Просвещение. 2. Надзор за мастерскими. 3. Призрение бродячих бесприютных сирот. 4. Пресечение деморализации крестьянского населения в городах. 5. Пресечение деморализации детей в семье. 6. Устранение детей из тюрем. 7. Устранение детей от открытых сцен, арен, цирков, театров» [7, с. 6–21]. Проект закона широко обсуждался в периодической печати. Идя навстречу требованиям общественности, законодотворцы предусмотрели изменение характера и процедуры суда над несовершеннолетними. VIII съезд представителей русских воспитательно-исправительных заведений для несовершеннолетних высоко оценил появление этого проекта. В решениях съезда говорилось, что особые суды для несовершеннолетних – это ценное средство обеспечения более полного проведения воспитательно-исправительной работы.

Предпринимались также попытки создать так называемые «особые» помещения при тюрьмах или домах для арестуемых по приговорам мировых судей, куда помещались несовершеннолетние при невозможности определить их в колонии и приюты по достижении 18-летнего возраста, но особого успеха они не имели. Однако, как свидетельствуют архивные документы, благодаря стараниям Витебского комитета Общества попечительного о тюрьмах удалось открыть отделение для малолетних арестантов на 37 человек в Витебском тюремном замке. Комитет снабдил малолетних арестантов букварями. В результате многие научились читать книги, поступающие из тюремной библиотеки. Членами комитета и священнослужителями проводились громкие чтения духовных книг, назидания в соответствии с их содержанием, что должно было служить «средством к прекращению между малолетними арестантами пустословия и ослабления преступных стремлений». Профессиональную подготовку арестантов из-за отсутствия в тюремном замке места для мастерских осуществить не удалось, однако малолетние преступники трудились на огороде «в пользу арестантов». Излишки урожая продавались, и на вырученные деньги приобретались семена, сельскохозяйственные орудия труда и т.п. Все делалось на принципах самостоятельности, самообслуживания и самокупаемости с широким привлечением частных пожертвований.

Кроме того, предпринимались попытки возродить в новых социально-экономических условиях монастырское призрение несовершеннолетних преступников, а также использовать возможности посемейного призрения. С 1911 г. Минская епархия наряду с некоторыми епархиями российских губерний стала принимать в свои монастыри малолетних преступников. Однако надежды на монастыри, так же, как и на благонадежные крестьянские семьи, себя не оправдали. Большинство малолетних правонарушителей при первой же возможности сбегали от своих попечителей, иногда предварительно обобрав их.

Исследователи данной проблемы того времени активно пропагандировали в обществе идею создания особых воспитательно-исправительных заведений для подростков, отмечая всего 6–9 % рецидива у выпускников колоний по сравнению с 96 % рецидива у отбывших наказание в тюрьме [8, с. 13].

В декабре 1912 г. вышел закон «О государственной помощи обществам покровительства лицам, освобожденным из мест заключения». Все это вызвало бурный рост благотворительной деятельности в данной сфере. Однако осуществлению этого благого намерения помешала начавшаяся Первая мировая война.

Таким образом, на белорусских территориях Российской империи формировалась и расширялась сеть исправительных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей, создавалась правовая основа их деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Соловьев, С. М.* История России с древнейших времен / С. М. Соловьев. – М., 1965. – Кн. XIII.
2. *Детков, М. Г.* Тюрьмы России: память истории / М. Г. Детков. – Вологда, 2001.
3. Уголовно-исполнительная система. 125 лет / под общ. ред. Ю. А. Чайки. – М., 2004.
4. *Григорьев, А. Д.* Становление и развитие социальной работы в Беларуси (X–XX вв.) / А. Д. Григорьев. – Минск, 2000.
5. Труды VIII съезда представителей русских воспитательно-исправительных заведений для несовершеннолетних: сост. в окт. 1911 г. – СПб., 1913.
6. Уголовно-исполнительное право России: теория, законодательство, международные стандарты, отечественная практика конца XIX – начала XX века: учебник для вузов / под ред. А. И. Зубкова. – М., 2002.
7. *Бабушкин, А. В.* Дети-правонарушители и тоталитарное государство / А. В. Бабушкин. – М., 2000.
8. *Познышев, С. В.* Основы пенитенциарной науки / С. В. Познышев. – М., 1924.